

Д. Е. Сорокин¹

О СПОСОБНОСТИ РОССИИ К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ТРАНСФОРМАЦИЯМ

Показано, почему меры по трансформации сложившейся модели экономического роста на протяжении длительного времени не дают результата. На основе анализа экономической истории России делается вывод, что данная проблема имманентна российской экономике. Выдвигается гипотеза, что российский социум характеризуется наличием системы неформальных институтов, препятствующих предпринимательской инновационной активности. Понять сущность этих институтов и определить механизмы их трансформации можно лишь путем интеграции обществоведческого знания о цивилизационных особенностях российского общества.

Ключевые слова: модель экономического роста, трансформация, инновационная активность, институты, неформальные институты.

УДК 332.254

Императивом устойчивого развития России является необходимость перехода от сложившейся модели экономического роста, опирающейся на сырьевой фактор, к модели, где источником роста является производство товаров высокой степени переработки (с высокой долей добавленной стоимости) – с этим согласны все школы экономической мысли. По крайней мере на вербальном уровне этот тезис осознан и политической властью.² Причина сырьевой зависимости – технологическое отставание обрабатывающего сектора экономики. Поэтому в Послании Президента России Федеральному собранию 1 марта 2018 г. отмечалось, что «...инвестиции должны пойти прежде всего на модернизацию и технологическое перевооружение производств, обновление промышленности. Нам нужно обеспечить здесь высочайшую динамику, выйти на уровень, когда в среднем каждое второе предприятие в течение года осуществляет технологические изменения». Отсюда – постановка в качестве первоочередной цели осуществления «прорывного технологического развития» (Указ Президента России от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»).

Отметим, что подобная задача была поставлена в принятой 8 ноября 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до

¹ *Дмитрий Евгеньевич Сорокин*, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор.

² Еще 8 февраля 2008 г. в выступлении Президента России на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года» отмечалось, что, следуя энергосырьевому сценарию развития, «мы... не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование...».

2020 г., согласно которой к концу указанного периода 40...50 % предприятий должны осуществлять технологические инновации. Однако, несмотря на все организационно-экономические усилия (создание специальных госкорпораций, экономических зон, применение стимулирующих правовых налоговых и таможенных институтов и т. п.) добиться значимых сдвигов не удалось.³

Здесь также существует область согласия всего экспертного сообщества: несовершенство имеющихся институтов тормозит инновационную активность в направлении технологического перевооружения российской экономики. Сегодняшние дискуссии экономического сообщества сосредоточены вокруг вопросов о том, как трансформировать сложившуюся систему институтов.

Экономическая теория давно установила, что двигателем технологического развития в рыночной системе хозяйства является предприниматель, действующий в конкурентной среде. Об этом писал К. Маркс, отмечая, что «капиталист, применяющий улучшенный способ производства, присваивает в виде прибавочного труда большую часть рабочего дня, чем остальные капиталисты той же самой отрасли производства. ...Этот самый закон в качестве принудительного закона конкуренции заставляет соперников нашего капиталиста ввести у себя новый метод производства» [7, с. 329]. При этом К. Маркс ссылается на более ранний первоисточник: «Всякое изобретение, инструмент или машина, позволяющее обходиться с меньшим количеством рук и, следовательно, производить дешевле, вызывает у других своего рода необходимость и соревнование или в использовании такого же изобретения, инструмента или машины, или же в изобретении чего-либо подобного, так чтобы все находились в равных условиях и никто не мог продавать дешевле своего соседа» («The Advantages of East-India Trade to England». London, 1720, p. 67) [7, с. 329].

В начале XX в. эти тезисы были восприняты и развиты Й. Шумпетером [11], показавшим, как через переток ресурсов от предпринимателей-консерваторов к предпринимателям-новаторам сменяются технологические уклады.

Вместе с тем, еще основоположник современной экономической науки А. Смит отмечал невозможность снятия всякого регулирующего воздействия на предпринимательскую деятельность со стороны общества [10, с. 195, 337, 338] и потому «ожидать восстановления когда-нибудь полностью свободы торговли в Великобритании так же нелепо, как ожидать осуществления в ней «Океании» или «Утопии» [10, с. 343]. Масштабность современных производительных сил усилила потребность в их общественном регулировании. В начале второй половины XX в. эту тенденцию отметил Дж. Гэлбрейт: «Не социалисты враги рынка, а передовая техника, а также диктуемые ею специализация рабочей силы и производственного процесса и, соответственно, продолжительность производственного периода и потребности в капитале. В силу этих обстоя-

³ Если в 2007 г., согласно данным Росстата, только 9,4 % промышленных предприятий осуществляли технологические инновации, в том числе в обрабатывающих отраслях – 11,5 %, то в 2010 г. эти показатели составили соответственно 9,3 и 11,3 %. В 2011 г. была принята Стратегия инновационного развития России до 2020 г., согласно которой к концу периода следовало выйти на 40 %-ный уровень инновационной активности. Однако уже в 2013 г. в Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» этот показатель был снижен до 25 %. Тем не менее по итогам 2017 г. технологическая инновационная активность промышленных предприятий оставалась на прежнем уровне (9,2 % в целом по промышленности и 13,7 % – в обрабатывающей).

тельств рыночный механизм начинает отказывать как раз тогда, когда возникает необходимость исключительно высокой надежности» [4, с. 71]. Российская практика 1990-х гг. подтвердила этот тезис.⁴ Ныне, по сути, дискуссии идут вокруг вопроса о том, что должно делать государство и что отдать на откуп силам рынка. Общим местом является понимание, что речь должна идти о трансформации сложившихся отношений по поводу собственности на средства и результаты производства. С одной стороны, акцентируется незащищенность отношений частнопредпринимательского присвоения, с другой – необходимость укрепления отношений государственной собственности. Дискуссии ведутся в течение 20 лет, однако, несмотря на сформированные правовые институты, как в защиту предпринимателей, так и для укрепления роли государства в экономике, реальные экономические отношения в этой сфере плохо поддаются трансформации. Об этом свидетельствуют: 1 – сохраняющийся крайне низкий интерес частного и государственного секторов к инвестициям в технологические сдвиги⁵; 2 – аргументы по поводу причин «плохого инвестиционного климата» повторяются в неизменном виде, превратившись в мантру.

Возникает закономерный вопрос: почему не происходит реальных сдвигов? Зачастую ответ ищут в сфере государственной политики, формирующей соответствующие нормативные институты, которая, по мнению дискуссионщиков, является ошибочной. Не исключая правомочность такой постановки, заметим, что в этом случае ответ на вопрос «что делать?» лежит за пределами науки. Задача сводится к выбору политиками тех из предлагаемых решений, которые являются правильными. При этом авторы этих решений вполне аргументированно отстаивают свои точки зрения и опровергают оппонентов.

Сфера науки – это поиск объективных, устойчивых связей и зависимостей, которые формируют окружающую действительность, в данном случае – существующую экономическую реальность. Оценивая последнюю с такой позиции, нельзя не заметить, что проблема трансформации российской модели экономического роста – переход от сырьевой модели к диверсифицированной технологической – имеет многовековую историю.

Исторически российская экономика складывалась на базе сырьевой модели. Как отмечает Ф. Бродель, капиталистическая Западная Европа исторически рассматривала Россию (вместе с Восточной Европой) в качестве колониального сырьевого при-

⁴ В Прогнозе социально-экономического развития РФ на 2012 год и плановый период 2013–2014 годов Минэкономразвития России констатировалось: «развитие российской экономики в период реформ показывает, что либеральные, чисто рыночные механизмы не приводят к быстрому развитию высокотехнологичных производств. ... Такое положение требует активизации государственного вмешательства в экономику страны». Аналогичный тезис был зафиксирован в Государственной программе РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 30.01.13. № 91-р: «В начале 2000-х гг. стало очевидно, что без участия государства в решении ключевых задач инфраструктурного, инвестиционного и инновационного характера промышленность не сможет выйти на необходимый уровень конкурентоспособности».

⁵ В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. отмечается: «Ключевой проблемой является в целом низкий спрос на инновации в российской экономике... Ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций».

датка: «С началом XVI века конъюнктура... обрекла Восточную Европу на участь колониальную – участь производителя сырья», подчеркивая специфическую форму этой колонизации для Московского государства [12, с. 259]. Бесперспективность такой модели роста и необходимость перехода к производству конкурентоспособной готовой продукции отмечалась еще в начале второй половины XVII в. В 1663 г. Ю. Крижанич писал, обращаясь к тогдашнему правителю России: «Надо бы накрепко установить, а ослушников наказывать, чтобы за рубеж не вывозилось никакого сырого материала, такого как сырые кожи, конопля и лен, а, чтобы дома наши люди делали всякие изделия, сколько можно, и готовые вещи продавали за рубеж» [6, с. 75]. Ответом стала попытка социально-экономической трансформации, осуществленная Петром I и направленная на преодоление технологического отставания России. Однако, если в военной сфере она удалась, то экономика в целом осталась в рамках сырьевой модели развития. Об этом свидетельствует книга И. Посошкова, направленная в адрес императора, незадолго до кончины последнего [9, с. 251].

Технологический сдвиг на рубеже XVIII–XIX вв., положивший начало первой промышленной революции, имел своим источником универсальный паровой двигатель. Его первая работающая модель была запущена в России в 1766 г. при поддержке Екатерины II, однако после поломки он был выброшен на свалку. Модель, созданная Дж. Уаттом, была запатентована в Британии 12 лет спустя (в 1788 г.), в 1880 г. там работало около 500 таких двигателей, а к 1825 г. – 15 000.

Российский же экспорт и к концу XIX в., как отмечалось в подготовленной в 1893 г. Программе развития промышленности и торговли России, «сосредотачивался преимущественно на сырье, т. е. на наименее доходном в международной торговле товаре». И вновь ставилась извечная задача – «постепенно подготовить переход к относительно большему вывозу переработанных продуктов, благодаря чему народный труд будет извлекать большие выгоды из экспорта, оплачивающие преимущественно наши народные богатства».

Трансформация (индустриализация) российской экономики в 1930-х гг. происходила в силу сложившихся исторических и геополитических обстоятельств прежде всего в оборонно-промышленном комплексе и вынужденно была основана на заимствовании западных технологических достижений за счет сырьевого и полусырьевого экспорта. Результаты начавшейся после Второй мировой войны научно-технической революции так и не удалось освоить в интересах экономики (если не считать технологических прорывов в отраслях, связанных с обороной страны). Об этом свидетельствуют данные советской статистики⁶.

⁶ Если в 1967 г. удельный вес продукции, выпускаемой одиннадцатью министерствами гражданского машиностроения свыше 10 лет, составлял 16,2 %, то к началу 1980-х гг. – 30,6 % (Плановое хозяйство. 1985. № 4. С. 92). Именно вследствие этого началось вытеснение российской технологической продукции с международных рынков. Если в 1970 г. доля экспорта машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме экспорта СССР (включая реэкспорт) составляла 21,5 %, то к 1985 г. она сократилась до 13,6 % (Народное хозяйство СССР в 1985 году. М.: Финансы и статистика. 1986. С. 575). Тогдашний Председатель Правительства Н. Рыжков был вынужден сделать вывод, «что по ряду важнейших направлений научно-технического прогресса мы начали отставать от происходящей в мире научно-технической революции» (Рыжков, Н. И. О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны. М.: Политиздат. 1987. С. 37).

Таким образом, несмотря на понимание неприемлемости сырьевой модели экономического роста и усилия государства по переориентации на производство продукции высокой степени переработки, результаты были ощутимы лишь в ограниченном числе секторов, прежде всего связанных с оборонным производством. В России исторически преобладал экстенсивный тип экономического роста при сохранении технологического отставания от индустриальных держав. Это отмечают и зарубежные исследователи экономической истории России, фиксирующие, что на всем ее протяжении «интенсивный рост был для России скорее исключением, чем правилом» [5, с. 233].

Поскольку данная ситуация воспроизводилась в условиях различных политических, социальных и экономических систем, правомерна гипотеза, что при видимых различиях этих систем в них было нечто общее, формирующее неформальные институты, ограничивающие инновационную активность российского предпринимательства. Вместе с тем, как отмечал Д. Норт: «даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписаными кодексами, нормами и условностями» [8, с. 56].

Именно неформальные институты определяют, как общие экономические закономерности проявляются в данной цивилизационной целостности, которой является российское общество. Этот факт неоднократно отмечался видными представителями российской школы экономической мысли. «Если применить теорию к объяснению различных сторон жизни Англии, то еще мало будет брошено света на те же вопросы относительно Франции или России, и еще менее относительно Египта или Китая. ... Деятельность народная, в каждом из этих государств, находится под влиянием обстоятельств совершенно несходных, климата, местоположения, государственного устройства, обычаев и вообще образованности. Неудивительно, что и в ее проявлениях, при всей одинаковости побуждений и средств, есть большое несходство, особенно в направлении и результатах» [2, с. XXX–XXXI]. Такой же точки зрения придерживался С. Витте, отмечавший, в частности, что формы проявления закона спроса и предложения неизбежно видоизменяются «сообразно различным особенностям общественной организации» [3, с. 134] и потому «до тех пор, покуда русская жизнь не выработает своей национальной экономии, основанной на индивидуальных особенностях русского грунта, до тех пор мы будем находиться в процессе шатания между различными модными учениями, увлекаясь поочередно то одним, то другим; ... и понятно, что до тех пор мы не будем жить правильно экономической жизнью, а будем идти на буксире заграничных веяний и всяких спекуляций насчет народного благосостояния» [3, с. 162].

На этих же методологических позициях стоял и Л. Абалкин, отмечавший: «Характер собственности, рыночные институты, мотивы поведения не могут – при всей своей общности – не различаться в англосаксонских и романских странах, в Юго-Восточной Азии и мусульманском мире, в Индии, Китае и России» [1, с. 214]. Соответственно научной задачей является выявление неформальных институтов, формирующих экономическое поведение субъектов хозяйственной жизни общества, и на основе выявления закономерностей их функционирования – определение возможных механизмов их трансформации. Поскольку неформальные институты формируются цивилизационными особенностями данного общества, их познание невозможно лишь в рамках экономической теории. Для этого необходимы интеграция обществоведческого знания о природе российского общества, междисциплинарный подход к проблеме.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Поиск пути в меняющемся мире / Л. И. Абалкин // Избранные труды: в 4 т. – Т. 4. – М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000.
2. Бутовской, А. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии / А. Бутовской. – СПб., 1847. – Т. 1.
3. Витте, С. Ю. Принципы железнодорожных тарифов при перевозке грузов / С. Ю. Витте. – 2-е изд. – Киев, 1884.
4. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969.
5. Гэтрэлл, П. «Бедная Россия»: роль природного окружения и деятельности правительства в долговременной перспективе и экономической истории России / П. Гэтрэлл // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.
6. Крижанич, Ю. Политика / Ю. Крижанич. – М.: Издат. «Экономическая газета», 2003.
7. Маркс, К. Капитал. Т. 1. // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 23.
8. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997.
9. Посошков, И. Т. Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков. – М.: Издат. дом «Экономическая газета», 2001.
10. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.
11. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
12. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII веков / Ф. Бродель. – Т. 2. – М., 1988.

D. E. Sorokin. On Russia's aptitude for socioeconomic transformations. The article considers the reasons why the measures taken to transform the current model of economic growth for a long time do not yield results. Based on the analysis of the economic history of Russia, it is concluded that this problem was immanent to the Russian economy. In this basis the hypothesis is put forward that the Russian society is characterized by the presence of a system of informal institutions that prevent entrepreneurial innovation activity. To know the essence of these institutions and to determine the possible mechanisms of their transformation is possible only through the integration of social science knowledge about the civilizational features of Russian society.

Keywords: economic growth model, transformation, innovation activity, institutions, informal institutions.